

США) дала речевой портрет староверов Орегона младшего поколения. А.А. Юнаковская (Омск) рассказала о формировании этнической модели Среднего Прииртышья.

Секция «Имя в тексте и социуме» проводила свои заседания в библиотеке пансионата «Зеленый мыс». С.О. Горяев и Е.Д. Пестерева (Екатеринбург) на материале ник-неймов и рекламных имен провели анализ «внеалфавитных» графических средств в современной русской ономастике. Р.Г. Жамсаранова (Чита) остановилась на явлениях трансференции и интерференции в топонимической системе Восточного Забайкалья. Д.В. Пьянкова (Екатеринбург) рассмотрела примеры дисконимов и мелонимов из сферы музыкального направления «тяжелый металл». Р.В. Разумов проанализировал названия районов и микрорайонов в системах урбанонимов провинциальных городов. Т.А. Сироткина (Пермь) рассмотрела этнонимы как объект этнолингвистики. О.С. Смирнова (Красноярск) сделала сообщение о репертуаре номинативных моделей в эргонимии Екатеринбурга и Красноярска. Т.Г. Федотовских (Екатеринбург) рассказала об особенностях имяобразования ювелирных брендов. С.В. Шойбонова (Улан-Удэ) рассмотрела ономастикон монгольских романов.

До начала конференции для ее иногородних и иностранных участников была проведена экскурсия по Екатеринбургу, а также по замечательному уральскому городу Невьянску, столице горнозаводской империи Демидова, керамическому заводу с. Таволги и известному своим уникальным храмом с чугунными плитами и перекрытиями с. Быньги.

На заключительном заседании все участники отметили, что соединение этнолингвистики, этимологии и ономастики в рамках одной конференции оказалось удачным и весьма плодотворным. Лучшие доклады будут опубликованы в ближайших номерах журнала «Вопросы ономастики». Многие из участников Екатеринбургской конференции договорились о встрече в сентябре 2010 г. на XII конференции «Ономастика Поволжья» в Казани.

Литература

1. Вопросы ономастики. Екатеринбург., 2008, №5 – 6.

2. Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2009.

3. Molchanova O. From Words to Altai Place-Names (Topography Cognition and Semantics). Szczecin: Wyd-wo nauk. Uniwer. Szczecin., 2007. (Rozprawy i studia, t. DCCXXVII/653).

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Вологоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.И. ШАХОВСКОГО «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ» (М., 2008. 416 с.)

Выход в свет монографии известного российского ученого – важное событие не только в лингвистике, но и в целом в гуманитарной науке. Теоретическая значимость этой книги обусловлена рядом причин. Во-первых, теперь мы можем констатировать наличие фундаментальной, непротиворечивой концепции лингвистической теории эмоций, способной служить методологической базой для исследователей, работающих в области эмотиологии. Во-вторых, идеи, рассуждения В.И. Шаховского, являющиеся результатом его многолетних научных наблюдений, по своей сути программны. Они показывают перспективы дальнейшего развития эмотиологии и смежных с ней научных направлений и парадигм, ориентируют лингвистов, психологов, культурологов в сложнейшей проблематике мира эмоций. В-третьих, содержание книги по охвату материала и затронутым проблемам выходит за рамки эмотиологии. В своей монографии В.И. Шаховский выносит на обсуждение значительный спектр проблем, открыто обсуждать которые решается далеко не каждый лингвист (например, соотношение эмоционального и рационального, разграничение эмотивного значения и значения экспрессивного, эмоциональная картина мира, эмоциональная языковая личность, типология эмотивов и др.).

Рецензируемая монография состоит из трех частей. В первой части «Теоретиче-

ские проблемы лингвистики эмоций» автор предлагает понятийно-категориальный аппарат эмотиологии, дает обзор отечественных и зарубежных работ, посвященных вопросам психических переживаний человека, их вербализации в социуме, рассматривает лингвистический статус эмотивности и др. Понятиями, которыми должны оперировать и, как правило, оперируют эмотиологи, являются, согласно В.И. Шаховскому, эмотивность, эмотивный компонент значения слова, эмотивная валентность, коннотация, эмоциональный дейксис, эмотивный текст. Эти понятия, как мы понимаем, выступают в эмотиологии стержневыми. Без обращения к ним проблематично рассмотрение языковых, речевых и текстовых единиц в их эмотиологическом измерении.

Автор монографии со ссылкой на многочисленные труды отечественных и зарубежных ученых (И.В. Арнольд, М.Д. Городникова, Ш. Балли, Э. Станкевич, Р. Якобсон и др.) показывает основные этапы зарождения лингвистической теории эмоций. В ретроспективе с интересным авторским комментарием иллюстрируется столкновение двух противоположных точек зрения лингвистов на эмоции, их место в науке о языке. Оказывается, многие ученые (В.А. Звегинцев, Е.М. Галкина-Федорук, Г. Гийом и др.) отказывались признавать необходимость изучения эмоционального феномена в языке и речи, отрицали эмоциональную функцию языка, наличие эмоциональной лексики в языке и под. Обзор работ позволяет В.И. Шаховскому сделать вывод о том, что «прописка» эмоций в лингвистике есть закономерный процесс, обусловленный ее поступательным развитием, расширением круга интересов этой науки. «В человеке все движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональные», – заключает В.И. Шаховский (с. 13 – 14). На выражения своих оппонентов, в частности об отсутствии эмоционального компонента в структуре значения слова, В.И. Шаховский приводит убедительный аргумент психолингвистов, экспериментально установивших эмоциональную заряженность любого слова.

Характеризуя эмотиологию как междисциплинарную отрасль науки, ученый убедительно отстаивает точку зрения, со-

гласно которой оязыковленные эмоции следует рассматривать с учетом когнитологии и лингвокультурологии. Данная позиция-призыв, отраженная еще в начале 90-х годов прошлого века в серии публикаций В.И. Шаховского, оказалась методологически верной. Со всей очевидностью она обнаружила свой значительный эвристический потенциал. Достаточно вспомнить научные труды последних лет, в том числе и диссертационного жанра (Е.А. Дженкова, Е.В. Димитрова, Н.Н. Панченко, Я.А. Покровская, Е.Е. Стефанский и мн. др.), расширившие рамки рассмотрения языка эмоций за счет активного привлечения данных из области психологии, социологии, этнографии, культурологии. Комплексный подход к описанию психических констант в разных лингвокультурах, к применению которого призывал 15 лет тому назад В.И. Шаховский, вне сомнения, фактографически и методологически обогатил эмотиологию. Действительно, до недавнего времени было мало работ, в поле зрения авторов которых находились важные экстралингвистические факторы, оказывающие воздействие на эмоциональную (в том числе и вербально оформленную) сферу жизнедеятельности человека. Редко учитывались особенности народной психологии, национального характера, бытия той или иной этнической общности, архитектоника национальных культур, их типология (ср.: «горячие» и «холодные» культуры), в целом особенности менталитета социума. Результатом ограниченного филологических рамок подхода к изучению феномена эмоциональных констант является достаточно большое количество лингвистических работ, чьи авторы ставили перед собой задачу преимущественно лишь синхронического описания языковой объективации эмоций, что далеко недостаточно для действительно глубокого осмысления феномена психических переживаний человека, занимающего важное место как в языковой, так и в целом в когнитивной картине мира.

Вторая часть рецензируемой монографии – «Лингвистическая реализация эмоций» – посвящена вопросам категоризации эмоций в языке, типологии эмотивной номинации, функциям и признакам эмотивного текста, текстообразующему потенциалу эмоций. Известно, что определение лексического значения слова сопряжено с понятием. В.И. Шаховский понимает лексиче-

ское содержание слова «как результат взаимодействия двух видов понятий: дедуктивно-логического и индуктивно-прагматического. Первый вид понятий общеизвестен и общепринят (понятие с определенной совокупностью существенных признаков). Эти признаки формируют основу прямых, так называемых предметно-логических значений слов. Второй вид понятий включает в себя потенциальные и субъективно приписываемые предмету признаки» (с. 59). Именно среди этих признаков есть и оценочные, носящие эмоциональный характер. Они, согласно В.И. Шаховскому, лежат в основе эмотивной семантики слова. В пользу признания эмотивного значения слова как отдельного вида его значения ученый приводит следующие аргументы: а) у двух слов может быть идентичное логико-предметное значение, но при этом одно из них может быть эмотивным; б) эмотивные значения идентифицируются с определенными языковыми единицами их выражения – носителями эмотивной семантики – и с типизированными эмоциональными ситуациями их употребления в речи; в) эмотивные значения вычлениются при измерении смысловой информации контекстуального слова (с. 56).

В монографии дано подробное описание лингвистического статуса эмотивности (с. 74–78). Выделены три ее типа: 1) лексическое значение слова может быть сведено полностью к эмотивному (междометия, бранные слова, вульгаризмы, адресативы), данный тип слов В.И. Шаховский предлагает называть обобщающим (на наш взгляд, удачным) термином «аффектив», уже прочно закрепившимся в эмотиологии; 2) лексическое значение слова не сводится полностью к эмотивному, имеет место логико-предметный компонент в его структуре – второй тип эмотивности формируют коннотативы; в отличие от аффективов коннотативы имеют двусоставную структуру: название объекта отражения через логико-предметный семантический компонент денотации + эмоциональное отношение к нему через коннотативный (эмотивный) семантический компонент; 3) лексическое значение слова может быть потенциально эмотивным, потенциальная эмотивность, согласно В.И. Шаховскому, может быть ингерентной (языковой, виртуальной) и адгерентной (наведение эмотивности на семантику нейтрального слова эмоциональной ситуацией).

Если рассматривать выявленные В.И. Шаховским типы эмотивности при-

менительно к языку / речи, то очевидно, что адгерентная эмотивность может проявляться в речи, тексте. Закономерно возникает вопрос о существовании особого типа текста – эмотивного, его отличительных признаках (компонентах) и функциях. К числу базисных функций эмотивного текста автором монографии отнесены экспрессивная и эмотивная, реализуемые, как правило, в их совокупности, слитно. Заметим, что длительное время в отечественной лингвистике не было четкого разведения этих функций, они часто употреблялись синонимично (И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко, В.И. Болотов, Н.А. Лукьянова и др.). В.И. Шаховский понимает под экспрессивной функцией «целенаправленное усиление словообозначения или высказывания, рассчитанное на определенную ожидаемую реакцию адресата, то есть на желаемое воздействие от сказанного». Эмотивная же функция «предназначена для выражения эмоций говорящих без намерения воздействовать на адресата» (с. 210). Обе эти функции в книге квалифицируются как «аспекты коммуникативной функции» (Там же). Видимо, здесь уместно было бы говорить об экспрессивной функции как разновидности / аспекте прагматической функции. Впрочем, в монографии реализации этой языковой функции уделено достаточное внимание при анализе текстов (преимущественно художественных). Их интерпретация осуществляется с позиции выбора адресантом специальных эмотивных средств и их соответствующего декодирования адресатом.

В работе предлагаются четко выделенные признаки (компоненты) эмотивного текста. Они могут быть языковыми и неязыковыми. В основу первых положены уровни (ярусы) языка – лексико-семантический (аффективы, коннотативы), грамматический (эмотивные конструкции), фонетический (просодемы) и стилиевой (фигуры речи, например, гиперболы, эпитеты и т.п.). К неязыковым относятся «эмоциональная ситуация, эмоциональные намерения, эмоциональные позиции коммуникантов в момент общения, графическое оформление эмотивного текста» (с. 233). Предложенные в качестве основных данные признаки позволяют ограничивать эмотивный текст от неэмотивного. Заметим, что в данном случае В.И. Шаховским, по сути, предлагаются впервые в лингвистике *критерии* определения эмотивного текста.

В третьей части «Коммуникативное пространство эмоций» внимание читателя фокусируется на трех базисных, недостаточно исследованных до настоящего времени проблемах – эмоции в межличностном и институциональном общении, эмоции в игровой коммуникации, эмоции в лингвокультурологическом аспекте. Автор проводит анализ использования различных видов эмотивов в политическом, научном, медиальном дискурсах, а также в художественной коммуникации, что позволяет сделать вывод о том, что эмоциональность как психологическая категория, трансформирующаяся в эмотивность как категорию лингвистическую, присуща любому типу человеческого общения. Дискуссионным, на наш взгляд, является суждение В.И. Шаховского о том, что научный текст, научный дискурс эмотивен (с. 269 – 270). Представляется, что выделенные В.И. Шаховским признаки (компоненты) эмотивного текста не могут быть в полной мере обнаружены в научном тексте / дискурсе. Трудно, к примеру, представить себе речевой жанр монографии, автор которой использует коннотативы и, в особенности, аффективы. Следовательно, в текстах этого жанра компоненты / признаки эмотивности реализуются лишь частично. Свое мнение В.И. Шаховский аргументирует тем, что адресант – составитель научного текста – в человеческом плане может быть эмоциональным, его интенции могут быть также эмоциональными. Это, безусловно, так, но в данном случае речь идет о неязыковых компонентах эмотивного текста, выделенных автором книги. Думается, что текст, претендующий на его отнесение к эмотивному, должен удовлетворять как экстралингвистическим, так и собственно лингвистическим критериям.

Важное место в книге В.И. Шаховского занимает обсуждение феномена языковой игры, коррелирующего с эмоциями. Ученым выявлены формы и средства реализации языковой игры – межязыковая омофония, концептуальные, лексические и синтаксические бленды, малапропизмы, антитранскрипция, звуковая транспозиция и др. На обширном русско- и англоязычном материале показано, какие стандарты и штампы языковой игры существуют, как реализуется ее стратегия, каков ее статус в эмотивных речевых актах.

По справедливому замечанию В.И. Шаховского, до недавнего времени эмоции в лингвокультурологическом аспекте редко освещались в науке о языке. Этот пробел теперь восполнен благодаря работам В.И. Шаховского и его многочисленных учеников. Ученый исходит из предпосылки, что существует инвариантное эмоциональное смысловое поле, которое кодируется и воспринимается в лексических и фразеологических знаках языка (с. 288). Кодирование и декодирование этого эмоционального поля в разных лингвокультурах не полностью совпадает. Эмоциональный компонент коммуникации этноспецифичен. Отсюда делается вывод о необходимости обучать этому компоненту изучающих иностранный язык. Обучать следует, по В.И. Шаховскому, как вербальной, так и невербальной форме межкультурной коммуникации.

В рецензии мы остановились на основных, по нашему мнению, заслуживающих внимания ученых положениях эмотологии. Читатель, безусловно, найдет еще много интересного и полезного в монографии В.И. Шаховского «Лингвистическая теория эмоций». Мы поздравляем Виктора Ивановича Шаховского с изданием монографии и ждем от известного автора дальнейших интересных и содержательных научных трудов самых различных жанров.

В.И. ШАХОВСКИЙ
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ В.Б. СМИРНОВА «ЖИТИЕ СВЯТОГО ГЛЕБА» (Волгоград: Издатель, 2008. 416 с.)

*Он создал свое царство, в котором
не было насилия, унижения,
несправедливости, царство любви
к ближнему, беззлобия, достатка,
созданного праведным трудом, а
не насилием отобранного
у собрата. И в этом царстве
он обрел блаженство.*

В. Смирнов

Перед нами – пример трудоемкого, но в то же время доставляющего огромное удовольствие чтения. Книга настолько многопланова, с таким ниагарским водопа-